

Kosych, Galina

"Ветхий человек" — «новый человек» в творениях Ф. Фенелона

Новая русистика. 2021, vol. 14, iss. 2, pp. 45-57

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2021-2-4>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/144516>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

«Ветхий человек» — «новый человек» в творениях Ф. Фенелона

«The Old Man»—«the New Man» in the Works of F. Fenelon

Галина Косых

(Градец-Кралове, Чешская Республика)

[статьи]

Abstract:

The article discusses the works of F. Fenelon—*Telemak, Selected spiritual creations*. The reasons for the success of his translated works in Russia are briefly analyzed. The article highlights the peculiarities of understanding the works of antiquity in them: the Christianization of ancient material by Fenelon. Telemachus wanderings, “the search for the father by the son” are accompanied by the process of the hero’s moral growth, moral transformation, replacement of the “old man” with a “new man”.

Key words:

F. Fenelon; *Telemachus; Selected Spiritual Creations*; Antiquity; Allegorical Function; Christianization; Moral; Spiritual Transformation

Новый перевод «Телемака» в 1839 году Ф. Лубяновского предварялся словами: «Хотите ли послушать, как Фенелон¹ говорит о промысле и всемогуществе Божию, о любви и благоговении к Богу... о любви к добру, о борьбе юношеского сердца, когда порок к себе его манит, о скорбях, которыми суждено нам на земле выстрадать опыт, о радости сердца, алчущего правды, когда истина вдруг мелькнет ему сквозь заблуждения?.. Читайте «Телемака»» [Fransua...]. («Приключения Телемака, сына Улисса» в его переводе были изданы дважды — в 1797-м и в 1814-м годах). «Достоинства книги создали ей всеевропейскую славу, ее читали в самых различных общественных слоях» [KOPANEV 1986, 59–172]. В России «Телемак» намного превзошел «по своей новости», по популярности другие переводные сочинения, завоевал, по словам Е. Люценко, «чрезвычайную славу».

В период с 1747 по 1800 гг. существовало девять изданий «Телемака» в России. По мнению Д. С. Бабкина, за его перевод принимался даже М. В. Ломоносов [BABKIN 1974, 100–115]. Г. Р. Державин, называвший «политико-нравоучительный роман Фенелона «Телемак»» (Д. Д. Благой) в числе книг, повлиявших на него в гимназические годы, позже «переложил в стихи несколько начальных страниц» русского прозаического перевода [DERŽAVIN 1860]. Всего же существует более тридцати русских переводов «Фенелонова творения» [ORLOV 1935, 9–10]. «Завоевание» русских читателей с первой половины XVIII в. связано, по мнению В. В. Зеньковского, с постепенным развитием интереса к утопиям: «... в русских умах начинает расцветать склонность к мечтательности, т. е. к утопиям» [ZEN'KOVSKIJ 1991, 89]. «Первой утопией, — продолжает исследователь русской философии, — появившейся на русском языке, был роман Фенелона... «Приключения Телемака» действительно чрезвычайно пришлись по вкусу русской публике...» [ZEN'KOVSKIJ 1991, 89]. Успех «Телемака» Ф. Фенелона обычно объясняют его радикализмом, актуальными для России XVIII в. просветительскими идеями: «Критической и дидактической частью сочинение Фенелона было более радикальным и стояло ближе к идеям XVIII в.» [DERJUGIN 1985, 14].

Необходимо отметить одну уникальную черту «Телемака» в русском прочтении XVIII века. Аллегорическая, символическая специфика интерпретации античного материала благоприятствовала благосклонному прочтению всеми без исключения образованными людьми того времени. Радикал-просветитель

1 Фенелон (Fénelon) Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651–1715) — французский религиозный философ, писатель. С 1675 — священник, с 1695 — архиепископ Камбрейский. Политическая позиция Фенелона в наиболее полном виде изложена в его романе «Приключения Телемаха» (1699). Он утверждал, что политика должна быть подчинена морали и религии [KROTOV 2010].

XVIII в. видел в нем интересное преломление в античной форме своих идей, читатель-интеллектуал — своеобразную «антологию античной поэзии» (А. А. Дерюгин), деист, читая многочисленные, не противоречащие христианской морали мифы, видел в аллегориях и символах античной формы христианские идеи и т. д. Таким образом были сглажены углы в восприятии утопии читающей публикой. Это и обусловило успех *«Телемака»*: «Фенелон есть одно из тех имен, которые всем любезны (курсив наш — Г. К.). Оно напоминает приятнейшие дарования и самую кроткую добродетель» [LJUCENKO 1822, 1]. Корнем утопизма, по словам исследователя русской философии, был *отвлеченный радикализм*, который не мог противопоставить идее Царства Божия ничего другого, кроме утопии [ZEN'KOVSKIJ 1991, 90].

«Основной нерв утопической мысли», заключающейся в «противопоставлении идее Царства Божия», у Фенелона отсутствовал. Наоборот, все его общественно-политические, государственные положения основывались на незыблемой идее Царства Божия. «Муж как Просвещенный, так и Преосвященный» (В. К. Тредиаковский) в силу этого «обнаруживает большое искусство облекать христианские идеи в античные формы» [DERJUGIN 1985, 126]. Творение Фенелона впитало в себя настолько разнообразный, обильный по темам и источникам античный материал, что «через его перевод русская литература приобщалась к общеевропейскому усвоению античности» [DERJUGIN 1985, 126]. В литературоведении поэтому вполне обоснованно называют произведение Фенелона «своеобразной антологией античной поэзии» (А. А. Дерюгин), «проникнутой гомеровским вдохновением» (Н. Эпп).

Необходимо отметить, что «античность» поэмы носит специфический характер. Известно, что уже с первых веков принятия христианства встал вопрос, «как отнестись к античному наследию, отказаться ли от него полностью или его использовать, и если решиться на последнее, то в какой мере и как использовать его» [GRABAR'-PASSEK 1966, 186]. Безусловно и то, что в западноевропейском мире «античная литература в поставленных ей определенных рамках должна была использоваться двояко: либо как исторический первоисточник... либо как материал для аллегорического истолкования и нравоучений. С первой целью обращались преимущественно к историческим обзорам и энциклопедиям, со второй — к ходячим общеизвестным мифам и преданиям, в которые старались вложить новый смысл» [GRABAR'-PASSEK 1966, 187]. Ф. Фенелон идет по второму пути аллегорического осмысления обширного античного материала. Как и его современники, писатель обращается к произведениям античности в своих собственных целях христианского миропонимания, ищет в них ответы на вопросы настоящего дня, возрождает и трансформирует характер героев древности в соответствии с представлениями и запросами своего времени.

Античный материал в «Телемаке», по мнению А. Бланка, выполняет три функции: орнаментальную, аллегорическую и метонимическую [BLANC 1979, 373–388]. Для нас первостепенную важность представляет вторая функция античного материала: аллегорическая, символическая. Как уже было отмечено, «французский автор охотно включает в повествование мифы, не противоречащие христианской морали... Фенелон обнаруживает большое искусство облекать христианские идеи в античные формы» [DERJUGIN 1985, 126]. А. Бланк в христианизации Фенелоном древнего материала выделяет два приема. Желаемого результата писатель достигает: 1) путем сближения античной ситуации с евангельской (преображение Минервы и Христа); 2) путем передачи мифологическому персонажу христианских функций (фурии и ангел смерти) [BLANC 1979]. Аллегорическая функция использования античного материала, переводящая все на язык христианской морали, не вызвала при чтении Фенелона в России ни у кого сомнения. В этом, как было отмечено, кроется одна из причин всестороннего успеха поэмы. Иными словами, декодировка текста имела для читателя XVIII–XIX вв. два уровня: читатель мог остановиться и вполне удовлетвориться лишь восприятием античного узора и в другом случае, при более внимательном, углубленном прочтении, выявлять христианские идеи, функции героев, находить параллели евангельским ситуациям. Не случайно поэтому для облегчения глубинного восприятия переводы нередко сопровождались обстоятельными примечаниями. Так, например, в издании 1822 г. Е. Люценко пишет: «Знаменитый Фенелон, представляя в сем творении истинные и вымышленные лица и действия, заимствованные из Истории и преданий язычества, должен был облекать их в приличную им одежду и часто говорить языком Мифологии. С помощью примечаний юношеству будет легче понять истинный дух сей поэмы и отличить его от языческой только наружности, в которую одето нравоучение добродетельнейшего Христианского писателя» [LJUCENKO 1822].

В осмыслении христианского контекста «Телемака» немаловажно обращение к «Избранным духовным творениям» Фенелона, изданным в России в четырех томах в 1820–1821 гг. Они позволяют увидеть за «античными» формами, характерологией действующих лиц образы и мысли христианские.

Выше мы упомянули, что в целях христианизации древнего материала Фенелон идет путем передачи мифологическому персонажу христианских функций. Телемака писатель избирает из всей греческой мифологии закономерно: очень уж близкие параллели можно провести через него к Иисусу Христу, наполнить интерпретацию героя христианскими идеями. В своих «Избранных духовных творениях» он пишет, что Христос «достигает того возраста, когда верховная Его мудрость долженствовала воссиять в стране сени смертной.

На двадцатом году Он оставляет мать свою, дабы служить Отцу своему. Вскоре за сим признает своими родителями только тех, которые исполняют волю Божию» [FENELON 1821a, 161]. Телемак, как становится известно из «Одиссеи», также двадцатилетний юноша, оставляет мать свою Пенелопу и отправляется на поиск Одиссея, чтобы «служить» отцу, «повиноваться ему, как последний из его подданных» [FENELON 1839b, 307]. Апелляция ко Христу может вовсе не обозначать, конечно же, что писатель мыслил под образом Телемака Искупителя. Скорее здесь обобщенное представление о праведном человеческом характере ввиду того, что каждому подлинному христианину «должно подражать Иисусу: это значит жить, как Он жил, мыслить, как Он мыслил, и стараться сделать себя подобными его образу...» [FENELON 1820, 78]. «Быть Христианами, — для автора «Приключений Телемака», — значит быть подражателями И. Христа», значит «идти путем, который И. Х. нам показал, поскольку он есть один могущий привести нас к Нему» [FENELON 1820, 79].

Телемак оставляет Пенелопу и с этого времени уже себе не принадлежит: «Телемак отвечал ему: Я не принадлежу себе. Судьба зовет меня в отечество... Рожденный на царство, я не призван к жизни кроткой и тихой; не моя доля следовать склонности сердца» [FENELON 1839b, 274]. Перед ним открывается целый мир как огромное таинственное послание Творца. Он — путник в нем. Опять напрашивается параллель христианского понимания дороги, пути. Что значил для Фенелона «путь Христа», отчасти мы уже сказали. Человек должен подражать ему. «Путь Христа» отражает внутреннюю динамику богоуподобления человека с целью спасения, обретения вечной жизни.

В «Телемаке» и «Избранных духовных творениях» писатель наряду с упомянутым пониманием «пути Христа» разрабатывает и иную ветхозаветную интерпретацию пути Авраама. В «Избранных духовных творениях» ветхозаветные «путь», «путешественник», «путешествие» являются основополагающими категориями: «Предайте себя Ему и закройте глаза. Сколь величествен сей образ мыслей, при котором шествуют, подобно Аврааму, не зная, куда идут, и koliko оный привлекает благословений! Тогда Бог будет вашим руководителем; Он Сам будет путешествовать с вами, как сказано, что Он соделался путешественником с Израильтянами, дабы руководствовать их шаг за шагом...» [FENELON 1820, 99]; «...Он не оставляет никогда душу праздную в деле отрешения. Ежели... вы еще не кончили первой работы, то Он скрывает от вас то, что должно следовать. Путешественник, который идет пространною, весьма ровною долиною, не видит ничего по ту сторону маленького возвышения, которое ограничивает горизонт в отдаленности от него; достигнув сей возвышенности, он открывает новое пространство, столь же обширное, как и первое...» [FENELON 1820, 120]; «... пойдем подобно Аврааму, не

зная, куда стремится путь наш; будем надеяться единственно на нашу бедность и на милосердие Божие; пойдем прямо, будем просты, верны, и да не медлим никогда посвящать все Богу» [FENELON 1820, 165]; «Душа, которую Бог истинно руководствует (ибо я не говорю о тех, которые учатся еще ходить, и которые ищут токмо дороги), должна бодрствовать на пути...» [FENELON 1820, 149]; «...Идите, не оглядываясь назад и не останавливаясь» [FENELON 1820, 136] и т. д.

В романе Фенелон определяет герою «руководителя» Афины, которая «руководствует» его шаг «за шагом» в образе Ментора. «Функция Ментора — «маска божества» — в литературе нового времени была вытеснена функцией «воспитателя»» [GUSEJNOV 1991, 361]. По мнению А. А. Дерюгина, Афина олицетворяет собой Иисуса Христа. Об этом позволяет судить хотя бы последняя сцена романа, когда «Богиня вознеслась на воздух, вошла в светозарное облако и скрылась от взоров» [FENELON 1839b, 309]. Она попечительствует Телемаку, наставляет его, последовательно предоставляя в своеобразной путнической перспективе все новую и новую «работу». Результатом путешествия для «мудрого и рачительного путешественника» долженствует стать обретение «достоинства Небесного Отца». Путническую особенность романа глубоко прочувствовали первые переводчики Фенелона. В переводе авторское заглавие «Приключения Телемака, сына Улисса» соответствует «Путешествиям Телемака», «Странствиям Телемака».

Герой «прямого пути» (Ю. М. Лотман) Телемак, двигаясь в определенном направлении, получает ряд назидательных «уроков», которые преобразуют его внутренне. От него требуются в первую очередь и как необходимое условие — воля в продолжении своего «шествия», чистота первоначального помысла, знания и т. д. К сожалению, исконная связь человека с миром трансцендентальным нарушена, и он находится в незнании своего первоначала, забвении своего «достоинства». «Я существую в сем мире, — пишет автор «Телемака» в «Избранных духовных творениях», — не зная ни того, откуда я пришел, ни каким образом нахожусь здесь, ни куда должен идти. Некоторые люди говорят мне о многих вещах, как о несомнительных; но я решился в оных сомневаться, и даже отвергать, по крайней мере тогда, ежели не признаю их достоверными вероятия» [FENELON 1820, 21]. Телемак в странствиях в разные моменты своей жизни переходит от «бесчестия» к «достоинству». «Недостойным сыном Улисса» герой называется тогда, когда подвергается забвению, когда в его душе господствует сомнение в своем предназначении, когда он, забыв отца, отказывается «поддержать славу родителя, победить судьбу», его преследующую. Главный эпизод в произведении Фенелона, посвященный теме забвения, повествует о пребывании Телемака на острове

Калипсы. До него пленение Калипсы, т. е. плен «забвения» испытывал Улисс, но не поддался плену. Сын же его забывается. Таким образом, Телемака в первый и наиболее продолжительный период странствий в силу его «недоверия», сомнений необходимо отнести, по классификации Ф. Фенелона, к «тем душам», «которые учатся еще ходить и которые ищут токмо дороги» [FENELON 1820, 149]. Он не внял голосу своего водителя, показывающему краткий путь для восстановления своего первообраза, достижения «золотого века»: Телемак послушался Афины — Христа. Отсюда — все выпавшие на его долю испытания. «Спасительное предвозвещание! — восклицает Телемак. — Но ослепленный я не внял ему; внимал своей страсти... И Боги попустили мне приткнуться, чтобы падением смирить мое высокомерие» [FENELON 1839a, 15].

Эпизоды, связанные с пленом, пленением, рабством должны рассматриваться как преломление одной из основных тем — «смирение гордого, недоверчивого человека, смирение страстей и предание себя в добровольное рабство Небесному Отцу». В «Телемаке» эта тема, основополагающаяся на антитезе «господин-раб», является чрезвычайно распространенной, так как в конечном счете выявляет «нравственный рост» героя согласно христианскому его пониманию. Ситуация пленения возникает сразу же с начала повествования «Телемака». Попав в Сицилию, где правил престарелый Ацест, выходец из Трои, а значит смертельный враг греков, Телемак с Ментором (Афиной) обрекаются на рабство: «... приняв нас за чужеземцев... велел сослать нас в леса, где под властью главных стражей его стад мы должны были служить, как невольники» [FENELON 1839a, 18]. В начале странствий только еще «ищущему пути» Телемаку, часто подвергающемуся страстям «недостойному сыну Улисса», доля раба кажется смерти подобной, поэтому он с такой легкостью открывает свое происхождение, обрекая себя на верную гибель. «Эта участь в глазах моих, — вспоминает Телемак, — была мучительнее всякой казни. Я тут же сказал: Государь! Предай нас смерти, но не позорному рабству. Знай, что я Телемак, сын мудрого Улисса, Царя Итакского. Я ищу отца по всем морям» [FENELON 1839a, 19].

Следующая ступень в смирении гордости недостойного сына связана в «Телемаке» с *невольным пленом*. Телемака пленяют в Египте. Вот как воспринимает свою невольную участь герой Фенелона: «Несчастье мое с дня на день возрастало... я даже лишился и столь жалкой отрады, чтобы выбрать любое, смерть или рабство. Рабство было непреложным моим жребием; надлежало мне выпить всю чашу злого рока. Вся надежда моя исчезла; я не мог и подумать о свободе... Приведен я в ужасную пустыню: кругом во все стороны идут бесконечные равнины, — океан палящих песков...» [FENELON 1839a, 36].

Необходимо чудо, чтобы герой «возвеличился терпением», преобразился и обуздал свое разочарование. Телемака наставляет «божественными глаголами» Афина. Знаменателен исход героя из плена: Телемак, оставляя свое пленение, преобразует печальную доселе пустыню. Следуя примеру «небесного изгнанника» — Аполлона, Телемак возделывает «дикую землю», в результате чего «все было тихо, все веселилось; кротость жителей смягчала, казалось, самую землю» [FENELON 1839a, 44]. Телемак «водворил золотой век в пустыне, прежде необитаемой» [FENELON 1839a, 45]. На данной стадии своего «пути» герой уже меняет свое отношение к рабству. Если раньше он альтернативе смерть-рабство выбирал первое, то сейчас «возвеличивается терпением».

Следующая, последняя, фаза в обретении «рабской кротости» наступает как логическое завершение первых двух. На первом уровне герой имеет выбор — смерть или рабство и, *гордый своим высокомерным благородством, идет на смерть*, пренебрегая, в его понимании, смиренным позором. В невольном плену Телемак *«терпит»* свое положение, повинует своей судьбе. Третья стадия парадоксальна: герой *«жаждет» рабства* и ищет повиновения, «стремится добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену одного получить истинную свободу» [LESTVIČNIK 1996, 62]. Вновь встретив после длительной разлуки Ментора, Телемак узнает, что он (Ментор, символизирующий собою Христа) является рабом у некоего Газаила. Герой умоляет и его самого взять в невольники: «Я пал к его ногам (Газаила — Г. К.). Неожиданное для него было явление человека, неизвестного в таком положении. Чего ты от меня хочешь, спросил он? — Жизни! Сказал я. Не могу я остаться в живых, если ты не позволишь мне быть неразлучно с рабом своим Ментором. Я сын великого Улисса, мудростию первого между всеми Царями... Не тщеславлюсь я своим родом; хочу только возбудить в тебе хотя слабое сострадание к несчастной своей доле... Пусть и я буду рабом у тебя... Сын царский у ног твоих и принужден молить о последней для себя милости, — о рабстве» [FENELON 1839a, 103–104]. Обуянный страхом от мысли, что может не выпросить желанной милости — рабской доли, Телемак вспоминает прежнюю ситуацию, когда выбирал смерть («В Сицилии некогда я требовал смерть вместо неволи: но прежние мои горести были еще легкие удары враждебного рока. Теперь и в число рабов может стать не буду я принят») [FENELON 1839a, 104], и переосмысливает ценность господства и рабства. Ложное достоинство он с легкостью меняет на добровольное повиновение.

Однако генезис такого поведения четко определен. Телемак «идет по пути Христа». «Рабский вид», «рабий зрак» избирается героями Фенелона

для своего спасения («Чего ты от меня хочешь, спросил он? — Жизни! сказал я»). «Воспитание» водителем ведомого странника заключается, таким образом, в научении подражать Христу. Его (Христа) кротость и смирение, противодействующие страстям, ведут по истинному пути к истинной цели. «Знай, — наставляет Минерва, — величие твое будет измеряемо кротостью и силою души в победе над страстями» [FENELON 1839a, 3]. «Кого сего-дня гнетет, — вторит Телемак, — того завтра возносит» [FENELON 1839a, 46]. («Ибо всякий, возвышающий себя, будет унижен, а унижающий себя, возвысится» — Лук. 14.11; «Да хвалится брат униженный высотой своею, а богатый — унижением своим, потому что он прейдет, как цвет на траве» — Иак. 1, 9–10).

Изменение аксиологической оценки сопровождается характерным для героя «прямого пути» нравственным самоусовершенствованием, нравственным преображением. Телемак, в последующем «достойный сын отца», «во всем другой Улисс», во время египетского плена становится «иным человеком»: «Божественные глаголы проникли в мое сердце... Встал я спокойный, пал на колена, воздел руки к небу, благословлял Минерву... и в тот же час *обратился в иного человека* (курсив наш — Г. К.). Мудрость озарила мой разум; я исполнился силы укрощать свои страсти, обуздывать стремление юности» [FENELON 1839a, 37]. Египетский плен в характерологии героя Фенелона обозначает, следовательно, переломный рубеж его духовного преображения.

Странствия Телемака, «поиск отца сыном» («... я Телемак, сын мудрого Улисса, Царя Итакского. Я ищу отца по всем морям» — [FENELON 1839a, 18]; «Я Телемак, сын Улисса, Царя Итакского в Греции, отвечал я. Отец мой прославился между всеми царями под Троею; но не мог — так угодно было Богам — возвратиться в отечество. Я искал его в разных странах: судьба гонит меня так же, как и его. Ты видишь во мне несчастного, которого единственное желание — возвратиться на родину и соединиться с родителем» — [FENELON 1839a, 57]; «Мучительная казнь — жизнь без надежды! Но, любезный отец мой! мне ли и подлинно никогда уже не видеть тебя? Не обнимать мне уже того, кто столько любил меня, и кого я ищу с таким трудом, с такими скорбями?» — [FENELON 1839a, 134]; «Отец мой! по суше и по морю тщетно я странствовал за тобою: пойду не найду ли тебя в мрачной обители мертвых?» — [FENELON 1839a, 135]) сопровождаются процессом нравственного роста героя. Предметом художественного изображения у Фенелона становится именно этот, свойственный герою «прямого пути» процесс нравственного преображения, замены «ветхого человека» «новым человеком». Можно даже сказать, что писатель изображает не столько поиск Телемаком Одиссея, сколько процесс нравственного становления Телемака «другим Улиссом по сердцу и разуму» [FENELON 1839b, 309]. «Водитель» Телемака представляет собой отнюдь

не пространственного проводника, помогающего преодолеть путнические затруднения, а своеобразного воспитателя, не покидающего героя до тех пор, пока он не обретает «истинную честь», не научается идти без его помощи. В последней главе «поэмы», прощаясь со своим воспитанником, Афина недаром говорит: «Оставляю тебя, сын Улиссов!.. Пора тебе ходить без помощи» [FENELON 1839b, 309]; «Никого еще из смертных я не наставляла с таким, как тебя, попечением: я провела тебя сквозь бури на море, по странам неизвестным, сквозь кровавые битвы, сквозь все беды, какими может быть искушаемо сердце человеческое... Самыя преткновения твои обратились тебе в пользу не менее как и несчастья... Иди! Ты теперь достоин идти по стопам его» [FENELON 1839b, 306–307]. В «брани с собою», со своими страстями и мечтаниями «малодушный сын великого и мудрого мужа» неоднократно оказывается побежденным: позорит отца, забывает высокое свое предназначение («Замолк во мне голос здравого разума; доблести отца моего изглаживались из моей памяти») и все же в конце концов обретает «истинную честь», «прямую славу в победе над собою и в благодати», становится достойным «восстановить золотой век в своем царстве». Динамика внутреннего роста главного героя, следовательно, является ключом к пониманию идеи произведения Фенелона. «Поиск отца» и нравственное преображение героя — суть два различных вектора нарративной структуры «Телемака», которые совпадают друг с другом (до встречи отца — «ветхий человек», ко времени встречи — «новый человек») и отождествляются.

Фенелон не случайно строит свое произведение, основываясь на мотиве нравственного преуспевания героя в процессе поиска отца. Для него олицетворением отца Телемака является Небесный Отец. В «Избранных духовных творениях» Фенелон пишет: «О Боже! Ты еси истинный мой Отец; Ты даровал мне тело, душу, протяжение и мысль; Ты создал меня Всемогущим Своим Словом, и я, бывший ничто, начал существовать... Ты возлюбил от вечности мое ничтожество, дабы даровать оному бытие и соделать его Тебе достойным» [FENELON 1820, 43]. Люди всякого общества, в представлении «христианского писателя», — «члены одного семейства, имеющие одного общего Отца» [FENELON 1820, 46–47]. Отсюда страстное обращение к каждому представителю «общества детей»: «... познавайте Творца, Который есть ваш Отец» [FENELON 1820, 47]. Суждения писателя обусловлены христианской антропологией. Если для античной традиции поиск отца Телемаком — вполне понятное явление, то нравственное усовершенствование, в силу статуарно-замкнутого представления о человеке, необъяснимо. Налицо сближение античной ситуации с евангельской (см. А. Бланк) Образ благородного сына, ищущего отца, в христианской литературе имеет глубокие корни. «Если для классического греко-римского миропонимания, — пишет С. С. Аверинцев, —

человек — это... гражданин космоса, пользующийся своими неотчуждаемыми, хотя и ограниченными христианскими правами, то для таких духовных течений, как христианство... он являет собой скорее царского сына, терпящего на чужбине несообразный своему сану позор... он (этот образ — Г. К.) намечен... уже в евангельской притче о блудном сыне и затем поставлен в центр замечательного произведения протовизантийской религиозной поэзии — так называемой «Песни о жемчужине»...» [AVERINCEV 1997, 82].

«Песнь» Иуды Фомы («Песня о жемчужине», дошедшая до нас в составе «Деяний Иуды Фомы апостола») повествует о некоем царевиче Страны Востока, который покидает свое царство и направляется в Египет за жемчужиной. До путешествия он заключает договор со своими родителями: «И заключили они договор со мной, и записали в / сердце моем то, что не должно быть забыто» [MEŠČERSKAJA 1997, 222]. По ходу странствия царевич забывает свое предназначение: «Забыл, что сын царей я и (я) служил царю их, / И я забыл ее, жемчужину, из-за которой родители послали меня, / и под бременем притеснений их уснул сном глубоким» [MEŠČERSKAJA 1997, 223]. От имени отца своего, «царя царей» герой получает спасительное послание, содержание которого читает «в согласии с тем, что в сердце моем (царевича — Г. К.) запечатлелось»: «Вспомнил, что сын царский я и знатность моя природой утверждена. / Вспомнил жемчужину, за которой в Египет я был послан... / И захватил ее, жемчужину, и повернулся, чтобы возвратиться в дом отца моего. / И одежду их, скверную и нечистую, я снял и оставил ее в стране их» [MEŠČERSKAJA 1997, 225]. Облачаясь в предназначенную для него одежду, герой в шелесте ее слышит «звук голосов» «царя царей»: «Это для него, храбрейшего из рабов, что возвеличил меня перед отцом моим» [MEŠČERSKAJA 1997, 226]. После возвращения в свое царство царевич соединяется со своим родителем: «И он (отец — Г. К.) возрадовался мне и принял меня, и с ним в царстве его я пребывал» [MEŠČERSKAJA 1997, 227].

И в евангельской притче о блудном сыне, и в «Песне о жемчужине» царский сын, терпящий на чужбине несообразный своему сану позор, предается забвению, отвергает свое достоинство, благородство, «царский сан», что в контексте христианской антропологии обозначает божественный «Первообраз духовной природы человека» [ZARIN 1907, 11], а затем в силу «предвозвещения» либо продолжительной «брани с собой» с мучительной болью вспоминает «древнюю честь», «царское свое достоинство», и, согласно христианскому учению, после многочисленных «преткновений» старается «уподобить свою несовершенную эмпирическую действительность абсолютному идеалу» «Первообраза».

В «поэме» Фенелона встречаем ту же самую модель забвения и возвращения к идее богоподобия. Так же, как в «Песне о жемчужине», как это было показано

выше, в «Телемаке» «части повествования объединены двумя лейт-темами — темой двойничества и темой знания или незнания (или забвения) человеком самого себя» [MEŠČERSKAJA 1997, 52].

Достижение Телемака, «Отцелюбного Сына», желанного единения с «Небесным Отцом» осмысливается в контексте христианского учения о человеке, заключается в преодолении в себе «ветхого человека», в духовной «брани», в научении терпению, кротости, «победе над собою», нравственном преображении.

Библиография:

- AVERINCEV, S. S. (1997): *Poëtika rannevizantijskoj literatury*. Moskva.
- BLANC, A. (1979): *Fonction de la référence mythologique dans le Télémaque*. XVIIe Siècle 125, 1979, s. 373–388.
- BABKIN, D. S. (1974): *Neizvestnyje stranicy Lomonosova (Perevod glav iz romana Fenelona «Pochoždenija Telemaka»)*. Russkaja literatura 4, 1974, s. 100–115.
- DERJUGIN, A. A. (1985): *V. K. Trediakovskij — perevodčik. Stanovlenije klassicističeskogo perevoda v Rossii*. Saratov.
- DERŽAVIN, G. R. (1860): *Zapiski*. Moskva. Ėlektronnaja biblioteka. <<https://derzhavin.petrstu.ru/site/notes-view?id=10>>. [online]. [cit. 30. 8. 2021].
- FENELON, F. (1820): *Izbrannyye duchovnyje tvorenija Fenelona, arhiepiskopa Kambrej-skogo: V IV č. Č. II. Mysli i čuvstvovanija Christianskije*. Moskva.
- FENELON, F. (1821a): *Izbrannyye duchovnyje tvorenija Fenelona, arhiepiskopa Kam-brejskogo: V IV č. Č. III Razgovory o krasnorečii i Slova na raznyje slučai*. Moskva.
- FENELON, F. (1821b): *Izbrannyye duchovnyje tvorenija Fenelona, arhiepiskopa Kam-brejskogo: V IV č. Č. IV. Traktat o bytii i svojstvach Božiich*. Moskva.
- FENELON, F. (1839a): *Telemak, sočinenije Fenelona. V II t. Novyj perevod Fedora Lubja-novskogo. T. I. — Gl. 1–12*. Sankt-Peterburg.
- FENELON, F. (1839b): *Telemak, sočinenije Fenelona. V II t. Novyj perevod Fedora Lubja-novskogo. T. II. — Gl. 13–24*. Sankt-Peterburg.
- Fransua Fenelon. Telemak*. LitMir — Ėlektronnaja Biblioteka. <<https://www.litmir.me/br/?b=221530&p=1>>. [online]. [cit. 4. 7. 2021].
- GRABAR' -PASSEK, M. Je. (1966): *Antičnyje sjužety i formy v zapadnoevropejskoj litera-ture*. Moskva.
- GUSEJNOV, G. Č. (1991): *Mentor*. In: *Mifologičeskij slovar'*. Moskva, s. 631–632.
- KOPANEV, N. A. (1986): *Rasprostraneniye francuzskoj knigi v Moskve v seredine XVIII v*. In: LUPPOV, S. P. (red.): *Francuzskaja kniga v Rossii v XVIII v. Očerki istorii*. Lenin-grad, s. 59–172.

- KROTOV, A. A. (2010): *Političeskije idei kartezijskoj školy*. In: *Filosofija i obščestvo*. № 1. Volgograd, s. 156–166.
- LESTVIČNIK, I. (1996): *Lestvica, vozvodjaščaja na nebo*. Moskva.
- LJUCENKO, Je. (1822): *Predislovije; Kratkoje opisanije žizni Fenelonova i nečto o jeho tvorenijach*. In: *Stranstvija Telemaka, syna Uliissova. Tvorenije Fenelona*. T. I. Sankt-Peterburg.
- MEŠČERSKAJA, Je. N. (1997): *Apokrifičeskije dejanija apostolov. Novozavetnyje apokrify v sirijskoj literature*. Moskva.
- ORLOV, A. S. (1935): «*Telemachida*» *Trediakovskogo*. In: *XVIII vek*. Moskva, Leningrad, s. 5–56.
- ZARIN, S. (1996): *Asketizm po pravoslavno-christianskomu učeniju*. Moskva.
- ZEN'KOVSKIJ, V. V. (1991): *Istorija ruskoj literatury: V II t. T. I, č. I*. Leningrad.

About the author

Galina Kosych, University of Hradec Králové, Faculty of Education, Department of Russian Language and Literature, Hradec Králové, Czech Republic, galina.kosych@uhk.cz

